

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №19 ГАЗЕТА

Кирилл Привалов / Час Пса

ПРИВАЛОВ Кирилл Борисович

Родился в 1954 году в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ. Более двадцати лет работал за рубежом в качестве собственного корреспондента крупных советских и российских изданий, прежде всего — во Франции, где сотрудничал с такими французскими изданиями, как «Эзоп», «Журналь дю диманш», «Леттера интернационале», «Котидьен», «Деба», «Политик интернасьональ», «Пари-матч», «Монд», а также вёл передачи на французском телевидении (М6, «Евро Ньюс», «Ля Сенк» и др.) Автор многих книг. С 2022 года — главный редактор журнала «Русская мысль» (Париж). Член Международного ПЕН-Клуба и Союза писателей Москвы. Член Международной ассоциации журналистов, пишущих на французском языке.

«Роман-газета» и Союз писателей России приглашает на презентацию нового романа Софии Агачер

"ИСЦЕЛЕНИЕ МИРА. ЖУРНАЛ РЫСИ И НЭТА"

«Роман Софии Агачер “Журнал Рыси и Нэта” — результат почти десятилетней работы автора. Начавшись как публикации в “Живом журнале”, он превратился в глубокое, наполненное множеством смыслов и структурно сложное художественное произведение о взаимоотношениях природы и человека, о науке будущего, о Чернобыльской катастрофе и о любви.

В центре сюжета — экспедиция в Полесский радиационно-экологический заповедник в рамках уникального, научного эксперимента по перемещению ментально-эмоционального тела человека в тело животного. Так французский врач Андре Бертье пытается помочь своей любимой жене Веронике, чье тело разрушено боковым амиотрофическим склерозом. Сама эта тема невероятно пронзительна: в образе врача, который не может вылечить любимого человека — и непокорность, и бессилие перед лицом смерти, и причудливая ирония, свойственная Судьбе... Но одновременно красной нитью через весь роман проходит тема не личной, но общечеловеческой катастрофы — аварии на Чернобыльской АЭС.

Эта книга нужна нам сегодня как никогда.

“Журнал Рыси и Нэта” — роман о боли и исцелении, о доверии и надежде. И о великой тайне, которую представляет собой наш мир: живой, неизведанный и до краёв наполненный любовью.»

Приглашены:

- председатель Союза писателей России Николай ИВАНОВ;
- главный редактор «Роман-газеты», писатель Юрий КОЗЛОВ;
- главный редактор «ЛГ» Максим ЗАМШЕВ;
- главный редактор издательства «Вече» Сергей ДМИТРИЕВ;
- шеф-редактор «Роман-газеты» Елена РУСАКОВА;
- зам. главного редактора «ЛГ» Анастасия ЕРМАКОВА;
- главный редактор журнала «Книжная Индустрия» Светлана ЗОРИНА;
- главный редактор журнала «Вторник», писатель Игорь МИХАЙЛОВ;
- поэт, писатель, ликвидатор и заместитель Председателя Госкомчернобыля России (1990–1992) Сергей УРЫВИН и многие другие писатели, поэты, друзья и любимые читатели.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор

Юрий Козлов

Редакционная

коллегия:

Дмитрий Белюкин

Алексей Варламов

Анатолий Заболоцкий

Владимир Личутин

Юрий Поляков

Ответственный

редактор

Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»

принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2024

Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2024 №19 /1960/ Основана в 1927 г.

Кирилл Привалов

Час Пса

Детективно-эзотерический трактат иронического свойства

*Посвящается Флейте, Мурзилке, Артоше, Леське, Дольке, Китьке,
Флике, Мишке и, конечно, несравненной Масимос, а заодно — всем-всем
четырёхлапым и хвостатым «братьям нашим меньшим»*

Гошкин дом

«Хорошему человеку бывает стыдно даже перед собакой».

А. П. Чехов

«Страшное захоронение обнаружено в Завейске, в Северо-Западном федеральном округе, при строительстве многоэтажного здания в черте города. Когда стали вскрывать грунт для укладки фундамента, рабочие наткнулись на многочисленные останки животных. Эксперты по костям и черепам без труда определили забитых собак. Сотни тушек! Начато следствие по делу о кладбище собак. Вероятнее всего, злоумышленники массово охотились на бродячих псов с целью снятия с них шкурок, которые в дальнейшем шли на меховую переработку. Следственное управление СК РФ по Северо-Западному федеральному округу проводит проверку по факту случившегося, сообщили в пресс-службе ведомства. Редакция «Криминального патруля», как всегда, будет держать вас в курсе расследования...»

Гошка добрил «жилетом» правую щеку и перешёл к левой. Из некогда дефицитного, почти музейного (кто-то сегодня звучно скажет: «винтажного») вэфовского приёмника, стоящего на полке в ванной комнате, плотным потоком, как фарш из мясорубки, лезли новости. Какая дурацкая привычка: непременно слушать ленту новостей, когда брешься! Но разве хозяева мы нашим привычкам?.. После порции рекламы — неестественно сладкий голос зазывал взять заманчивый кредит «всегонавсего под 18 процентов в год!» в банке с красиво звучащим псевдоевропейским названием — вновь пошла водопадом свежая информация.

Дежурная хроника, неизбывная часть жизни в обществе, почему-то называемом «демократическим». «Ложь успеваает пройти полмира, пока правда надевает штаны», — утверждал Уинстон Черчилль. Нобелевский лауреат по литературе был прав лишь наполовину: постправде, которой нас пичкают сегодня, одеваться вообще не

Журнальный вариант.

нужно: голые факты нам давно заменили комментариями.

«...В Завейске, в пригородной зоне, найден труп мужчины, умершего — по предварительной оценке криминалистов — от полученных им многочисленных укусов. Тело жертвы предельно обезображено. Характерная деталь: у погибшего, видимо, ставшего добычей стаи диких собак, перекушено горло. Данный случай, увы, не единичен. Напомним, что подобным образом за последние месяцы в Завейске и другие люди — всего около десяти человек — были убиты таким же образом. Стаи бездомных собак замечены в разных районах города и терроризируют жителей. Полицией возбуждено уголовное дело по фактам преступления...»

Гошка, конечно, не обратил бы на эту макабрическую всячину никакого внимания, если бы не одно весомое «но». В сообщениях назывался как место преступлений город Завейск. Можно было бы этого факта не замечать. Но Гошке вечером предстояло ехать, согласно купленному им железнодорожному билету, в этот самый «преступно-собачий» Завейск. И отвертеться от этого вояжа невозможно. Дело было семейное. Как говорят на Кавказе: вопрос крови.

Кроме того, в Гошке едва заметно для него самого заиграло профессиональное ретивое: чем не заход для многообещающей сюжетной интриги — чуть ли не нравы диких джунглей в центре не самого малого промышленного города? По давней репортёрской памяти Георгию вдруг захотелось разобраться в деталях обвала смертей в Завейске. Почему бы не трянуть стариной, в конце концов? Тема-то ведь класная! В двадцать первом веке звери терроризируют людей, подумать только... В конце концов, не в ванне же живём.

Сколько журналистских расследований на его счету! Он всегда считал, что любая мало-мальски интересная тема существует только для того, чтобы он, Гошка Распоров, взялся за ее раскрутку. Встречаются же иногда люди, жадные до работы! Особенно, когда дома тебя никто уже не ждёт, а работа сопряжена с командировками и к тому же захватывающая, нестандартная. Распоров принадлежал именно к этой не столь уж и редкой в наше сумасшедшее время дикого посткапитализма человечей породе. Свободный — с недавних пор — от супружеских обязательств, охочий до новых встреч и впечатлений, финансово независимый... Марш в поход, труба зовёт! Тем более что с годами он научился доверять своей интуиции. Что она, скажите на милость, если не наше второе «я»? Надо лишь уметь найти и включить в себе, как повернуть тумблер генератора, это альтер эго.

В приёмнике зазвучал аккордеон с мгновенно узнаваемой бархатной французской мелодией, и приятный мужской голос с едва заметным «авторским» пришепётыванием принялся повествовать о странном феномене:

«С двенадцати лет Альбер Дадас из Бордо убежал из дома. В конце девятнадцатого столетия он шёл куда его глаза глядят до тех пор, пока не лишился сил и не терял сознания. Обнаруживал себя потом в незнакомых местах и спрашивал у прохожих, где он и как туда попал. Дадас — совершенно без документов — обошёл так не только всю Францию, но и соседние страны. Дошагал однажды аж до России, где его задержала полиция за оборванный вид и неспособность объяснить по-русски, кто он и откуда. Когда же власти обнаружили, что у него, иностранца в Российской империи, нет паспорта, Альбера Дадаса посадили за решётку как подозрительного «нигилиста». История умалчивает о том, как он тогда спасся.

И во Франции, когда Дадаса призвали в армию, он ушёл напрямик из призывного пункта, за что после поимки был сослан на исправительные работы на каторгу в Африку, откуда — в конце концов — тоже убежал. Ушёл этот странный человек и из мэрии, за несколько минут до заключения им акта бракосочетания с любимой женщиной...»

Распоров решил не ждать, пока радиожурналист, закопавшийся в сомнительных архивах, дойдёт до критической точки и расскажет, как печально завершил жизнь чудной бегун Дадас, и выключил приёмник. Георгию вдруг стало не по себе: слишком явно происходившее с далёким свихнувшимся французом-супермарафонцем напоминало ему то, что недавно свалилось на него.

Итак, бежать или не бежать? Вот в чём вопрос. К тому же Распоров нутром чувствовал, что в Завейске его ждёт нечто из ряда вон выходящее. А «чуйке» своей он привык доверять.

Значит, бежать. Безусловно, бежать!..

Весёлой раскраски уютный поезд с именем мирового литературного классика, некогда регулярно курсировавший в экс-нейтральную Финляндию, а теперь следующий по укороченному, исключительно отечественному, маршруту, вёз Георгия Распорова в завейские дали.

Все, казалось бы, происходило вполне нормально (какое бесцветное, рыбе слово, так агрессивно вошедшее в наш лексикон, но в нём — привычность текущих дней и наша неспособность воспринимать перемены в них). Однако Гошу не покидало ощущение некой неловкости, какого-то неудобства, что ли... Нет, это было не волнение — такую едва ощутимую внутреннюю дрожь он когда-то испытывал по молодости лет перед каждой очередной командировкой, предчувствуя новые приключения. В последнее время он, журналюга до мозга костей, остро ощущал, что застоялся. Промозг, затюрился, застыл, замариновался в текучке буден: редакция с её беспорядочными, формальными совещаниями, занудные столичные пресс-конференции исключительно для галочки, казённые интервью со скучными — на одно лицо — лощёными политиками и самодовольными

сужился следы погрома замести. Вещи были разбросаны, диванные подушки валялись на полу, шкафы с бельём и одеждой распотрошены, книги — особенно досталось им — наполовину повыпадали с полок...

Распоров, едва войдя в эту «двушку», рассовал всё — как он полагал — по местам, но ещё не зная квартиры, сделал это совершенно хаотично и механически, не задумываясь. И вот сейчас поплатился за такую поспешность.

У двери в кабинет Гоша больно ударился бедром о крыло какого-то шкафа-армуара, чертыхнулся и в сердцах было собрался вернуться в уютный ореол желтого света, как наступил на что-то твердое. Наклонился, пощупал: вроде бы, книги. Пошарил по стене в поисках выключателя и зажёл лампу. Оказывает, в соседнем со спальней кабинете сорвалась с петель перегруженная фолиантами полка и грохнулась на пол. Вверх тормахками, ураганом рассыпав всё! Брокгауз и Ефрон в коричнево-золотом переплете, серое собрание сочинений Достоевского и куча других инкунабул, судя по всему еще довоенных, а может, даже и дореволюционных.

Мы не знаем, почему падают книжные полки. Но однажды приходит время Ч — и они, как деревья, а порой и как люди, непременно падают. С грохотом. Обречённо и непоправимо. Словно по приговору безжалостного трибунала. Книга способна поменять нашу жизнь только одним способом: если свалится нам на голову.

— Займусь раскопками этих залежей завтра, — подумал раздосадованный библиотечным катаклизмом Гошка. — А сейчас — спать, спать!

Он сделал несколько шагов и споткнулся о старую книгу. Или рукопись? Престранную, надо признать! Это была выстроенная по формату обычной книги и подрезанная по краям сшивка из нескольких тетрадей: каких-то распечаток на конторской бумаге, записей на салфетках, на непонятных листах — видимо, ресторанных меню — страниц, вырванных из старых журналов. Именно сшивка: все держалось на... гвоздях! С одной стороны — железные шляпки, с другой — заклепки, неровно и грубо расплюснутые молотком. От влаги и возраста они отметили бумагу желтыми, грязноватыми разводами по горизонтали. Верёвочные закладки — из допотопной упаковочной бечёвки — придавали этой инкунабуле подчёркнуто растрёпанный вид. Верёвочки, кем-то в непостижимом порядке разложенные, распушились по краям и сделали книгу похожей на кучу выброшенного на свалку тряпья.

Откуда такой палеолит?!

Неслабое наследство! Лавка полоумного старьевщика после бомбёжки, а не квартира...

Авксентий Миронович Варгин-Уманский, отцовский не то двоюродный дядя, не то троюродный брат — он называл себя «кузеном», седьмая вода на

киселе, по большому счету, — поселился в этой «двушке» в самом начале шестидесятых.

Уроженец Феодосии, он был по образованию и ремеслу юристом. А точнее — профессиональным эмигрантом, во всяком случае, таковым его считали в Гошкиной семье. Своей же семьи — жены, детей — у дяди вроде бы никогда и в помине не водилось. Да и откуда ей было взяться при всех его странствиях, скитаниях и посадках? Дядя Сеня, так называл его с подачи родителей Гошка, приплыл после Великой Отечественной в «первую в мире страну победившего социализма» из Франции, куда свалил безусым юнкером, совсем мальчишкой, кажется, еще в двадцатые годы.

Понятное дело: не успев надышаться сладким дымом Отечества, дядя прямиком из одесского порта угодил в цепкие объятия энкавэдэшников, гостеприимно отправивших очередного зарубежного «патриота СССР» в солнечный Магадан, столь любимый товарищем Сталиным. Но, к счастью, вскоре «отец народов» благополучно дал дуба, и дядя, даже не успев потерять в рудничном забое все зубы и волосы, вернулся «на континент», к человеческой жизни. Впрочем — несколько ограниченной. Дяде строго-настрога запретили прописываться в столицах. И тогда Авксентий Миронович, понимавший, что бодаться с любыми властями, включая «самые гуманные в мире» советские, дело абсолютно безнадежное, поселился в тихом, замшелом Завейске.

Старинный русский город понравился бывшему парижанину и недавнему зеку, месью с непроизносимой для французов фамилией по двум важным, как ему тогда верилось, причинам. Обе они, и это выяснилось со временем, оказались совершенно не серьезными, более того — эфемерными и даже забавными.

Буколическая провинциальность Завейска, его деревянные домики с коньками на крышах и фигурными наличниками, туманная набережная тихой квакушечной реки, отсутствие какого-либо промышленного предприятия оказались столь привлекательными для намыкавшегося по жизни Авксентия Мироновича, что он в этом сонном городке и решил обосноваться. Не прошло, однако, и двух лет после прописки «русского француза» в городе-деревне, как в Завейске завелась ударная комсомольская стройка огромного химического комбината, превратившегося вскоре в мощного производителя лекарственных препаратов и всевозможного сырья для них. Одного из крупнейших отраслевых предприятий в советской стране.

Вдоль некогда затянутой рясской речки возникла россыпь блочных пятиэтажек, в которых, как кукушата в соловьином гнезде, по-хозяйски обосновались лимитчики со всех краев необъятной родины. За неполных два десятилетия тихий заштатный городишко, знаменательный лишь тем, что в годы

Гражданской войны в нём одно время стояла Северо-Западная армия героя Кавказского фронта генерала Николая Юденича, превратился едва ли не в мегаполис-миллионник. Со своим пыльным вокзалом, с домами культуры и кинотеатрами и даже с собственным, пропахшим самолётным керосином и кислым жигулёвским пивом в розлив аэропортом.

Завейск привлек Варгина-Уманского еще и тем, что располагался вовсе не на краю цивилизации. Конечно, никаких практических перспектив лично меся Аухентиус Варгуине-Оумански, бывшему французскому гражданину, это не сулило. Советские границы пребывали на уже заржавевшем, но все еще относительно прочном замке. Тем не менее осознание близости Запада грело сердце репатрианта. Казалось, стоит ему только возжелать, и виртуально рукой подать хочешь — до Финляндии, а можно — и до Прибалтики. Она, конечно, оставалась безнадежно советской, но былого провинциального европейского лоска окончательно утратить не успела. Политическим пророком парижский дядя с его неизбывным эмигрантским испугом себя отнюдь не считал, однако время распорядилось так, что после развала хаотично перестроенной горбачевской державы Завейск и правда оказался едва ли не на самых дальних северо-западных российских пределах.

Без двух минут и пяти секунд Европа. Ан нет! Видит око, да зуб неймет!

Гоша взял в руки сшивку и открыл её на первой бечёвке-закладке.

«L'Homme truqué» — несколько первых страниц из романа Мориса Ренара. О таком писателе Расповров никогда не слышал. На оборванном титульном листе значилось — парижское издание 1923 года. Расповров прочел по-французски — спасибо Вере Михайловне, бабушке по папиной линии, когда-то она не пожалела времени на занятия с внуком, поначалу упорно не желавшим штудировать язык Гюго и Мольера, — в конце долгого абзаца: «Нам стоит поблагодарить Природу, которая желает, чтобы каждое из наших чувств получило свою долю участия в жестоких, безумных играх...»

Гошка любопытства ради забил в поиске «андроида» «Морис Ренар», и на экранчике появился отрывок из романа неизвестного Расповрову беллетриста:

«...И вдруг под впечатлением внезапного чувства ужаса я завернулся с головой в одеяло, зажав уши руками: зловещий, неслыханный, сверхъестественный вой несся из парка в тишине ночи... Это было что-то душераздирающее, и действительность превосходила ночной кошмар...»

Я поднялся, приложив нечеловеческие усилия. И тут я услышал тьяканье... сдавленное... что-то вроде заглушаемого лая... усиленно заглушаемого...

Ну что же? Ведь могла же это быть собака, черт побери!

Вой повторился с левой стороны... Там спиной ко мне стояла изнуренная громадная собака. Она положила лапы на закрытые ставни моей бывшей комнаты и от времени до времени испускала отрывистый вой. Изнутри дома ей отвечало приглушенное тьяканье; но был ли это действительно лай? А что, если мой слух, подозрительно настроенный теперь, ввел меня в заблуждение? Скорее это можно было назвать человеческим голосом, подражавшим собачьему лаю... Чем внимательнее я прислушивался, тем этот вывод казался мне неоспоримее...»

Это напомнило Расповрову его полузабытые детские ночные кошмары: тревожные шорохи во мраке, жуткие морды, возникающие из стен, складки сложенной у кровати одежды, которые прямо на глазах оживают в кромешной тишине и превращаются в безобразных монстров, готовых пожрать тебя... Он потушил самсунг, отложил телефон, так много всего знающий и умеющий, в сторону. Вновь взялся за дядюшкин фолиант. Эта грубо сработанная инкунабула затягивала Георгия, как космическая чёрная дыра. Как воронка в коварной воде или в зыбучих песках.

Кипа старых, желто-серых страниц. Дневник, выполненный химическим карандашом, а порой и перьевой ручкой с лиловыми чернилами начинался со слов из Псалтыря: «Deus, Deus meus! Но Ты, Господи, не удаляйся от меня; сила моя! Поспешы на помощь мне; избавь от меча душу мою и от псов одинокую мою... Ибо псы окружили меня...» (ст. 20, 21).

Kyrie eleison! Причём тут «псы»? Опять они!.. Дядя, судя по проставленным кое-где датам, начал вести дневник в начале двадцатых. Записи были отрывочными и порой останавливались чуть ли не на полуслове.

Заинтригованный странными дядиными откровениями, Гоша перешёл к странице, отмеченной другой верёвочной закладкой. К счастью, эта прерывистая запись не имела никакого отношения к «собачьей» тематике:

«...изгнали с Гренель, где особняк Российского посольства оказался уже занятым Совдепией. Пришел к Леонтию Дмитриевичу К. Он, коренастый, пышущий энергией, острый на язык, — видный человек в Русском национальном союзе в Париже. Обещал помочь. Бывший дипломат, некогда предводительствовавший в генеральном консульстве России, знает в русском французском сообществе всех и вся. Пригласил на встречу, как он выразился, «доверенных и интересных людей». И почему-то добавил подчеркнуто многозначительно: «Это почти собрание в мастерской...» Странно, право! Какое такое «собрание»? Что за ремесленники корпят в этой «мастерской»? И почему, скажите на милость, он проникал ко мне сердечной расположенностью? Однако все это любопытно и, верю, весьма полезно при нынешней безнадёжности, вернее — безденежности моего бродяжнического положения. В общем, поживём — увидим...»

Гоша потер кулаком слипающиеся глаза, отложил дневник и отправился досыпать. Утром надо было идти к нотариусу.

В замечательный Завейск Георгий Владимирович Распоров, он же — Гоша или Гога, а для друзей — просто Гошка, прибыл для вступления в права наследования. Неделю с лишним назад ему пришло заказное письмо, в котором некий Э. Ю. Келев, глава нотариального кабинета «Фидес», сухо сообщал о кончине господина А. М. Варгина-Уманского, который завещал единственному племяннику квартиру и заодно — коллекцию книг и рукописей. В послании оговаривались дата и место randevu с нотариусом. Заканчивалось оно припиской: «По прибытии в Завейск следуйте от вокзала по адресу: Наречная, 38-11. Это квартира г-на Варгина-Уманского. Ключ будет под ковриком. Келев».

На дядины похороны Гоша не успел, письмо, как и принято сегодня в почтовом ведомстве, шло тягуче долго. Да, честно говоря, Распоров и не очень-то рвался участвовать в скорбной церемонии. Он вообще старался избегать прощального ритуала, к которому с годами так не хочется, но все же приходится привыкать. Поминок по дяде не устраивали. Да и кто мог их организовать, бога ради, если Авксентий Миронович жил на свете один как перст?

Осадок на душе у Гошки от собственного родственного пофигизма, конечно, остался. Но он успокаивал себя тем, что Варгина-Уманского помнил очень смутно. Видел маленького, сухонького, кажется, лысого или с жидким зачесом от уха до уха, в раннем детстве, один или два раза. В основном представлял дядю по рассказам бабушки. Она вспоминала, что, когда в пятидесятые Сеня возвращался из мест не столь отдаленных, заехал перевести дыхание и заночевать при перекочевке с поезда на поезд к московским родственникам в их коммуналку у Никитских Ворот. Бабушка ради кума расшиблась-рассталась. Купила втридорога на Центральном рынке кролика и приготовила безвременно почившего ушастого в горчице со сметаной. С луком и с шампиньонами, с румяными шкварками, в старорежимной глиняной утятнице с толстенными, как крепостной бастион, стенками.

Баба Вера отменно готовила, пальчики оближешь! А-а-ах!.. «Цимес мит компот!» — как восторженно говаривал дед, прицокивая языком.

Ближе к ночи, когда вся водка была выпита, Гошкин дед отправился выгуливать на Патриаршие пруды собаку, а бабушка пошла на общую кухню и водрузила на газовую плиту огромный чан, чтобы вчерашний лагерный сиделец мог наконец-то отпариться-отмыться. В необъятной коммунальной квартире, заселенной еще до войны с немцами девятью безнадежно советскими семьями, горячей воды, начиная с большевистского переворота, не води-

лось. Жильцы и жилички мылись — в ожидании похода в ближнюю общественную баню, предпочитали исторические Сандуны — принесённой ими с кухни горячей водой в чугунной ванне. Она важно расположилась у висящего на грязной стенке карболитового телефона, в коридоре, за занавеской из некогда клетчатой клеёнки, одереженевшей и превращённой едва ли не в рубероид мыльными брызгами многих поколений обитателей.

Когда же Распоровы, подготовив купание для гостя, вернулись в жарко натопленную комнату с тысячами книг по стенам и с неизбежными клопами, то обнаружили застывшего в более чем странной позе у стола Авксентия Мироновича. На груди его, на старой, не избалованной стирками рубаше расплзлось большое жирное пятно. Сеня дрожал словно мальчик из церковного хора, которого батюшка застал за кражей свечек на алтаре, на глазах его были слезы. Выяснилось, он — по старой зековской привычке, неизбежный инстинкт выживания! — пытался припрятать за пазухой остатки еды, чтобы пронести её тайком от надзирателей товарищам в барак. Вот и засунул, злополучный, последние куски остывшей крольчатины себе за рубашку — трогательно, поближе к сердцу...

Ничего больше о дяде Сене Гошка не знал. Кроме одной давней-давней истории, как-то рассказанной ему в далёком детстве Верой Михайловной — как рано бабушка, кареокая красавица, ушла из жизни! Она зимним вечером показала внуку портрет старика в широкополой шляпе и сказала.

— Это Василий Васильевич, твой, Гога, родственник. Человек паталогически богатый и не менее несчастный. Когда-нибудь я расскажу тебе о нём. Наша дальняя родня, но не очень. По линии деду Сени...

Маленький Гоша не понял тогда, что это за «линия» такая. Однако рисунок — тушью или угольным карандашом, а может, это был и дагеротип — запомнил. Длинное, сухое лицо с глубоко запавшими щеками, долгие седые волосы из-под широкополой шляпы и большие глаза, печальные и словно горящие мстительным огнём... Рассказать о Василии Васильевиче Вера Михайловна не успела. Умерла так быстро, что даже не простилась с любимым внуком.

И тут нежданно-негаданно свалилось на голову провинциальное наследство.

У первого подъезда дома 38 по Наречной улице с раннего утра уже восседали на лавке бабушки.

— А-а-а, так это вы?! — оживилась одна из них, увидев Гошу.

Что оставалось делать? Лишь соглашаться.

— Ну, я.

— Племянник Авксентия Мироныча, так? — на всякий случай уточнила вторая бабуля. — Он о вас рассказывал.

— Да-а-а? Правда?

— Тонкий был человек, — едва ли не хором заговорили соседки. — О здоровье всегда справлялся, о погоде умел разговаривать, о сборе грибов... За город один любил ездить... Жалко его. И собачку жалко. С нее все беды Мироныча и начались.

— Какая собачка? — удивился Гошка. — У него была собака?

— Еще какая! Умница, шельма! Он так ее и звал: Шелли. Ой, как баловал ее! И породы была редкостной: «шанхайский терьер».

— Да нет! — поправила товарку соседка. — Он говорил, что она «апельсиновой китайской породы».

— Пекинес, что ли? Померанцевый пекинес? — догадался Распоров.

— Вот-вот... Только убили ее.

— Как «убили»? Кто? Бандиты, браконьеры?

— Может, и бандиты. Последнее время у нас часто собак травят. Разбрасывают, ироды, приманку по кустам. Борются с бродячими собаками, а дохнут домашние пёсики. Шелли долго умирала. Не спасли её, не смогли. Ваш дядя переживал шибко. После этого и сдал здоровьем. Словно сглаз на него положили: сгорел, бедолага, как щепочка сухая. Прямотаки среди бела дня иссох, болючий. На руках друзей и душу отдал.

— Друзей, говорите... А кто они, не знаете?

— Да кто ж их теперь найдет! Раньше Мироныч никого не принимал, а перед смертью начали люди к нему ходить. Город большой, народу тьма...

Вот так история!

— И кто же у вас ядами балуется, собачек травит? — особо не надеясь на ответ, воскликнул Гошка.

— Знать, есть кому, раз балуются, — обрезала первая бабуля, та, что начала разговор. И, поджав синие губы, встала со скамейки, показывая, что больше обсуждать им в Гошкином обществе нечего.

Кабинет нотариуса прописался в бесцветном офисном здании, явно впопыхах переделанном из заброшенного заводского цеха или склада, а теперь от фундамента до крыши сдаваемом в аренду. В полутемном узком коридоре под потолком надоедливо пульсировала длинная лампа мертвецкого «дневного света». Гошка шёл по подмигивавшей ему кишке между закрытыми дверями, читал таблички с названиями организаций и глазам своим не верил. На одной двери было написано: «Троса». На другой — «Крема». А следом вообще — «Мансардовые крыши». Тут же — мудрёное объявление в западном вольно-гендерном стиле: «Мужская одежда. Всё для будущих мам». Еще дальше на зависть «Вкусвилл»: «Металл на любой вкус». Сразу за табличкой: «Асуан. Песок от производителя» — располагался кабинет с выигрышным, почти заграничным, названием: «Фидес».

Гошка толкнул дверь и ровно в указанный в пришедшем к нему письме час оказалась в длинной, похжей на ученический пенал комнате:

— Позволите? Мне назначена встреча. Моя фамилия Распоров, я приехал по делам наследства, доставшегося мне от дяди.

— Ах, Георгий Владимирович, дорогой! Неужели? Как же мне приятно! — возрадовался неожиданно громко толстенький человек, утонувший в глубоком кресле на колёсиках. — Ну, конечно, дядюшка ваш — Авксентий Миронович! Какая витиеватая судьба, скажите на милость! Эмиграция, ГУЛАГ — будь он проклят! — и, наконец, наш славный Завейск на закате заслуженных, счастливых, медовых дней... Как приятно видеть вас, Георгий Владимирович, не поверите! И как же вы на дядю похожи, честное-благородное, — одно лицо! Ей богу, удивительное сходство!

И, словно почувствовав, что его экзальтация показалась Распорову чересчур наигранной, человек перешёл в более умеренную тональность.

— Мэтр Келев, Эдуард Юшкович, — представился он. — Простите меня, грешного, что не выхожу со всем моим пиететом приветствовать вас. Спина, видите ли, остеохондроз, спинные грыжи, протрузии и всё такое прочее... Проблемы, знаете ли, со здоровьем: возраст, годы-гады... — Человек почему-то хохотнул, громко, как срыгнул. — Читал, будто во Франции нас, гарантов соблюдения закона, по-матонски называют «мэтрами», что на их иноагентском лексиконе значит «мастерами».

— По-французски «мэтр» — это еще и «хозяин», — вставил слово Распоров. — А «мэтресс» у французов это вообще «любовница».

— Так то — у французов, «подбитых ветерком», как утверждал Пушкин, российское «наше всё!» Вам виднее, сударь мой, мы за буграми не столовались, устриц и фуагра не едали. Мы — не писари и не псари, а, можно сказать, без двух минут юристы, буквоеды то есть. Перо и чернила нотариуса — плоть и кровь сурового Закона. Он, конечно, справедлив, тем более что всех посадить нельзя, а буквы его часто складываются в весьма нехорошее слово... К тому же за весами правосудия всегда можно найти продавца.

Келев опять манерно хохотнул.

— Функции нотариуса в странах континентального права — таких, как демократическая Россия, — необычайно высоки и ответственны. Именно к нашим необъятным северным краям относится первое в России упоминание о нотариате. — Он надул щёки, словно подчеркивая этим важность готовящегося сообщения. — Вы, конечно, догадались: я имею в виду знаменитую Псковскую судную грамоту пятнадцатого столетия.

«Типичный википедик, — подумал о нотариусе Распоров. — Конченный видеаст!...»

Своими рассуждениями завейский мистер Джинглз напоминал знатока, который скороговоркой читает вслух статью из Википедии. Внешность же его — смуглое, отекшее, невнятно вылепленное

лицо, мохнатые брови вразлет — напомнило Гоше насекомое. Жука-скарабея, нет, пожалуй, даже золотистую бронзовку. Или гигантского таракана, как у Кафки в «Метаморфозе». Определить его возраст было невозможно, словно у трупа, который давно начал разлагаться.

— Лучше занудный нотариус, чем веселое судебное ристалище. Ах, как душевно мы ладили, как близки были с безвременно ушедшим от нас любезным Авксентием Мироновичем, если бы вы знали! Как коллеги-юристы близки, как профессиональные законники. Почти как братья! Да и жили когда-то рядом. А ведь не зря армяне говорят, хороший сосед — дороже родного брата. Разве не так?.. Золотой был человек ваш дядюшка! Ах, какая боль! Какая потеря!.. Невосполнимая... Безвременная...

— А я и не подозревал, что дядя был юристом.

Георгий был оглушён, затоплен этим водопадом речи.

— Рад, искренне рад с Вами познакомиться, господин Распоров, — звучал без усталости «мэтр» нотариата. — Слышал о вас. Точнее — читал. Ваши журналистские расследования высоко ценю. Ваши, не побоюсь, очерки, прямо-таки байопики. Голливуд без вас плачет! И такой популярный столп российской журналистики, отечественный пулитцер, можно сказать без обиняков, посетил наши скромные провинциальные палестины! — Келев закатил глаза, демонстрируя высшую степень из всех возможных градусов умиления, и продолжил, чуть ли не извиваясь от изумления. — Нотариус всегда помнит древнеримский рецепт хорошего завещания: душевный покой, зрелое размышление, здравый ум и — не побоюсь этого слова — твердая память.

Нотариус выложил из тощего портфеля несколько бумаг на совершенно пустой стол, на котором стоял только пёстрый пластиковый стаканчик из-под уличного кофе, начинённый ворохом острозаточенных карандашей. Протянул Распорову дешёвую шариковую ручку.

— Распишитесь вот здесь и еще здесь! Вступайте, дорогой мой человек, на здоровье в наследственные права, в некотором роде.

— Почему же «в некотором роде»? Вполне официально, смею надеяться.

— Безусловно, Георгий Владимирович, безусловно! Это лишь оборот речи, фигура, можно сказать, — спохватился Келев. — Не придавайте значения моей, извините за откровенность, элоквенции. Без лишней риторики и филиппики поздравляю, от души, так сказать! — Он натужно перевёл дыхание. — Каковы ваши ближайшие планы, сударь мой, если не секрет? Намереваетесь дядюшкины апартаменты реализовывать? Как? На рынке недвижимости? Сдавать в аренду? Или иначе? Непросто будет, ваш дядя много чего интересного после себя оставил. — Сделал паузу, словно ожидая возможной Гошкиной реакции, и

продолжил липкой скороговоркой: — Можем подействовать, сударь мой, в случае необходимости... Полезные связи, будьте покойны, где надо имеем-с.

Мнозначительно подмигнул.

— Пока не решил. Надо подумать, собраться с мыслями. Всё так внезапно.

— Собирайтесь, голубчик, собирайтесь! Только в вашу зачумленную Белокаменную — скажу со всей свойственной мне большевистской прямоотой — не спешите. Заклинаю вас, Георгий Владимирович, лучше поживите пока тишайшим образом в Завейске! Город наш милейший, зеленый. Вокруг леса, луга, горизонты-просторы. Воздух такой вкусный, что его хоть на хлеб вместо икры намазывай!.. Как говорят у них на «ридной нэньке Украине»: «крайведы». «Красоты природы» — по-нашему, по-русски... Правда, шалют в наших райских куцах окаянные люди и злые псы в последнее время. Ой, как, злодеи отвязные, шалют нехорошо!

— Что такое?

— За годы ельцинской разлухи иже с ней премного расплодилось, аки блохи, дикие собаки. Жируют по помойкам, лайкоиды треклятые. Вот и охотятся на них разные джигиты да парубки подозрительные, что называют себя на американский фасон «догхантерами». Серийные киллеры собак, так сказать.

Келев вскинул перед носом, будто прицеливаясь из ружья, обе руки с растопыренными ладонями:

— Пиф-паф!.. «Дикие гуси» компьютерного века по сторонам постреливают, да и яды в приманках повсеместно разбрасывают... Таких пикселей накидают — биткоинов не соберешь! Беспорядок и варварство, конечно. Всё — как обычно в нашем непредсказуемом отечестве. Всё цинично, как на телевидении или в адвокатуре. Что тут поделаешь? При хронической бестолковости наших властей и звероподобии обывателей любые эксцессы возможны-с...

Поиграв пучком карандашей в бумажном стаканчике, мэтр перешёл к главному.

— Ну, заговорил я вас, заговорил, не обессудьте! Не забудьте взять, Георгий Владимирович, документы для переоформления квартиры в необходимых инстанциях. Порядок есть порядок, а закон есть закон. Фемиде служим, а Фортуне платим... И — полный вперед, дорогой мой товарищ, московский звездный журналист!

Жукообразный нотариус аж взвизгнул от демонстративного иступления и протянул Распорову бумагу:

— Чуть что, звоните! Всегда к вашим услугам, так сказать. Если захотите еще раз встретиться, предупреждайте меня, грешного, заранее. Дела, знаете ли... Дела суетные и разные... Да... Так и живём-с, перебиваясь с воды на квас...

Какой своеобразный субъект! Ненатуральный какой-то! Слово списанный с персонажей гоголевских стряпчих.